

Уорик оставил фиолетового монстра рычать в гараже и засобиравшись в контору «Бенрии», но добраться туда смог только через два часа.

Перед гаражом ждал Йохан. Он-то и подхватил Дарио под руки — тот ослаб настолько, что даже не пытался идти сам. Уорика тоже ранили, так что им всем пришлось заехать в клинику Тео.

Дома Уорик оказался лишь после того, как Нина тщательно перевязала ему раны. Николас встретил его раздражённым взглядом. Он лежал на диване и попивал минералку. Сделав пару глотков, он поставил бутылку на стол.

И только потом поднёс к лицу сжатую в кулак правую руку, постучал ею по груди слева, под конец растопырил пальцы и схватился за лицо всей ладонью.

«Ты что творишь, придурок?»

Кажется, после отповеди Николас решил, что вполне высказался, и потянулся к бумажному пакету на полу. Достал какой-то шашлычок и начал есть.

— Что это у тебя?

«Шашлык из солёной рыбы. Купил в ларьке».

Уорик ухмыльнулся.

— Правда? И как, вкусно?

«Нормально».

— Вот же ветер в голове! Ты хоть знаешь, что со мной стряслось? А если бы я умер?

«Ну не умер же».

Николас в один укус расправился с шашлычком, встал с дивана и выкинул шпажку в мусорное ведро. Длинная палочка с тихим стуком упала на две такие же.

«Кстати, может перестанешь как последний дурак в одиночку сваливать, зная, что за тобой охотятся?»

— Да не гляди ты зверем. Работа обязывает.

Уорик плюхнулся на диван и устроился прямо напротив Николаса. Напарник смерил его ничего не значащим взглядом.

«Они — охотники на мафиози?»

— Откуда мне знать? Я пока ни в чём не уверен.

«Я думал, вы теперь лучшие друзья».

— А что, похоже было? Я просто умею ладить с незнакомцами, вот и всё.

Уорик зажёл сигарету и зло ухмыльнулся краешком рта.

— У тебя-то с ним вообще никак.

«Он мне не нравится, вот и всё».

— А вот это резко! Но я понимаю, о чём ты.

Немногословный Николас во всём отличался от болтуна Дарио. И всё-таки Уорик подозревал, что, когда дело доходит до чего-то святого, оба до смешного похожи. Вот почему Уорик был приветлив с Дарио.

И Николас, и Дарио — низкорослые, приземистые. И плевать хотели на то, что там принято в обществе. У них собственные железобетонные правила, продиктованные даже не разумом, а скорее инстинктом. Николас стал таким, потому что его таким вырастили. А еще потому, что сумеречный. Но вот что с Дарио, Уорик сказать точно не мог, но догадывался: у знакомого не самое приятное прошлое. Такое прошлое, что впивается в шею подобно цепи. Ведь Дарио просто помешался на мысли, что всё надо забыть. Этим он походил на влюбленного мальчишку, который прожигает объект страсти взглядом, но сам старается делать вид, будто равнодушен. Но что чувствует — всё равно видно.

...а может, Николас терпеть не мог любого, кто был с ним одной крови. Естественная вражда к особям одного вида.

— Хотя, раз уж речь зашла о скверном прошлом, меня и самого есть за что осудить, — признал Уорик с натянутой улыбкой. — Только вот я крепко выучил урок. Так что, напарник, не оставляй меня. Прошу, защити от злыдней!

«Да мне насрать. Сам справляйся!»

— Хватит дуться!

«Не дуюсь я».

Уорикдохнул на Николаса сигаретным дымом. Тот сморщил нос, словно пёс.

Николас был готов защищать Уорика даже ценой собственной жизни. Понятно, что вели его уже не дружба и не долг. Это были инстинкты, которые рвались из самых глубин его сущности.

***Уорик проспал до полудня. Наверное, накопилась усталость. Он проснулся с неясной мыслью, что ему снилась женщина, но какая именно — вспомнить не смог.

В голове отдавалась тупая боль: то ли с похмелья, то ли после драки. Когда он полез в душ, рана на плече, оставленная вчерашней пулей, нещадно щипалась. Повезло, просто царапина, и Уорик без особых проблем вымыл голову.

Они с Николасом вышли из конторы вместе и задержались перед уличными киосками. Уорик пообедал сэндвичем с кебабом и в итоге опоздал на встречу с инспектором Чадом на десять минут. Ещё десять он потерял, выслушивая нотации инспектора.

Наконец, на двадцать минут позже запланированного, они перешли к делу.

— Чёрт возьми, ребята, вы хоть понимаете, сколько сил я трачу, чтобы выгрести за вами! — нахмурился Чад, попыхивая сигаретой.

Комната для допросов, где они устроились, находилась в самом конце коридора. Стены там

были увешаны фотографиями разыскиваемых преступников. Рожи — одна краше другой.

Уорик, с безразличным видом подпирая щеку рукой, умудрился пожать плечами, не меняя позы.

— Да мы и сами — те ещё чистюли. Не так ли, напарник?

«Да я тут вообще ни при чём», — жестами показал Николас.

— Из какой семьи наша вчерашняя пятёрка? — спросил Уорик Чада.

— Бандера.

— Надо же. Не последние люди в городе.

— Нет, всего лишь уличная шпана, шестёрки капо.

— Того самого, которого убили охотники на мафиози?

Вот какой вывод напрашивался, если, конечно, Уорик примет слова вчерашней противницы за чистую монету.

Чад кивнул.

— Пристрелили в собственной постели. В голову. Труп нашли позавчера — валялся на горке тел своих же наложниц. В тот день дома были семеро и собака. Выжила только собака.

— То есть убили их не холодным оружием?

Уорика и Николаса обвинили в убийстве мафиози как раз потому, что жертв резали.

— Выдыхать рано, не забывай: кольт — твоя любимая пушка.

Чад докурил сигарету до самого фильтра, старательно раздавил в дешёвой железной пепельнице и тут же зажёл следующую.

— Инспектор Чад, а не многовато ли вы курите?

— Заткнись. Ходят слухи, что скоро в участке запретят курить. Наслаждаюсь, пока могу.

«Так ведь вам давно на пенсию пора?» — с ухмылкой показал жестами Николас.

Чад отвесил ему оплеуху.

— Да как тут уйдёшь, когда вокруг одни сопляки да разгильдяи?

«Чего вы на меня-то вечно срываетесь?»

— Ну так? — следуя примеру инспектора, Уорик тоже закурил. — Насколько всё плохо? Как думаете, долго ещё семья Бандера будет охотиться за мной?

— Семья Монро пока что их сдерживает. Но действовать напрямую они не могут.

— Догадываюсь.

Даниэль Монро поддерживал в городе баланс сил. Конечно, он не мог позволить себе в открытую покровительствовать каким-то двум букашкам. Просьба, с которой он обратился к «Бенрии», должна была частично послужить им защитой. По крайней мере, так думал Уорик.

Чад глубоко затянулся, выдохнул белое облако дыма и заговорил:

— Каждый раз, когда проливается чья-то кровь, вас ненавидят всё крепче и крепче. И ненависть эта вполне материальна, если вы понимаете, о чём я.

— Я понял только то, что вы за нас волнуетесь, инспектор Чад.

— Заткнись. Просто в этом городе и так достаточно дерьма, не хочется усугублять.

Уорик тоже выдохнул облачко дыма и стряхнул пепел с сигареты.

— Так что, вчера вечером было ещё одно нападение охотников на мафиози?

— Пока доложили только о тех пятерых, которых вы порешили.

— Пятерых?

Уорик стрелял в двоих. Из них точно погиб только один, а что случилось со вторым, он понятия не имел. Ещё парочку Дарио переехал на автомобиле. Допустим, те четверо получили смертельные раны, но кто тогда пятый? Что-то тут не сходится.

— Все пятеро признаны погибшими?

— Да. Двое на улице, трое в гараже. А тебе что, нужны подтверждения собственной удали?

— Ну, знаешь, я вчера нехило перепил...

Выходит, Дарио убил как минимум одного, а может, и двух, пока Уорик был без сознания? В таком случае, всё сходится. Только вот как ему удалось доковылять с его-то ногой до пистолета?

Неожиданно Уорика осенило, и он, не сдержавшись, посмеялся.

— Неужели Дарио прикидывался?

Серьёзно? И где тогда ложь, а где тогда правда?

Уорик затушил сигарету в пепельнице и почесал в затылке.

Что ни говори, а дело дрянь, и становилось лишь хуже и хуже. Уорика как будто затягивало в болото.

— Мне нужен список тех, кому семья Ломбарди сбывала свой «динамит». Вы ведь закончили расследование?

Вот с чего начались убийства мафиози. Единственная более или менее надёжная зацепка — «динамит».

Вопреки ожиданиям Чад покачал головой.

— Пока нет.

— Как-то по-дилетантски! Они что, не вели бухучёт?

— Не в этом дело. Семья записывала всё до последнего гроша. Но кто-то стащил документы по «динамитным» сделкам.

— Надо же. Кто бы это мог быть?

Ответ очевиднее некуда: охотники на мафиози. Учитывая обстоятельства, оставалось только предположить что преступники имели с семьёй личные счёты. И счёты эти касались «динамита». Если убийцей был сумеречный, о причинах нетрудно догадаться.

— А остальные документы?

— Мы вывезли из поместья Ломбарди каждую бумажку: от писем с угрозами, которые будто ребёнок писал, до плакатов со стен. Хочешь глянуть?

— Давай, — кивнул Уорик и кинул взгляд на Николаса.

Тот, судя по всему, успел заскучать и теперь развлекался, перевешивая фотографии разыскиваемых преступников с места на место. Похоже, он решил развесить их в порядке убывания волос. В итоге один из углов комнаты был заполнен портретами бритоголовых отморозков.

— Николас, придётся тебе побыть хорошим мальчиком и ещё немного поиграть одному.

— Мне уже надоело.

— Ну так попробуй развесить их в порядке возрастания носа.

— Скучотища.

С Николаса стало бы в одиночку свалить в неизвестном направлении. Только вот сейчас «Бенрии» не стоит и в сортир по одному ходить.

— Ну ещё пять минуточек! Я быстро закончу.

Уорик даже примерно не знал, сколько придётся копаться в бумагах, но быстренько пролистать на раз — не составит труда. А благодаря фотографической памяти он мог бы вспомнить содержание документов в любое удобное время и уж тогда как следует поразмыслить над ним.

— Сюда, — Чад встал с кресла.

Десять минут спустя «Бенрия» покинули полицейский участок.

Уорик разыскал цветочный магазин, где продавали фиалки, и купил букет — принести Дарио в больницу. Дарить цветы с пожеланиями скорейшего выздоровления этому коротышке-мафиози — идея глупее не придумаешь, но заявиться с пустыми руками — ещё хуже.

Палата Дарио находилась на втором этаже клиники Тео. Он валялся на кровати и со скуки читал книжку, но поднял голову, едва завидев напарников.

— Привет, друзья! Пришли пригласить меня выпить?

— Пришли пожелать скорейшего выздоровления. Тебе, смотрю, досталось.

— Спасибо за заботу!

Дарио захлопнул книгу, используя вместо закладки смятый спичечный коробок.

— Что читаешь?

— Да так... Эта девочка — Нина, кажется — принесла мне сказку, чтобы я не скучал.

— Да, её зовут Нина.

— Такая славная! И к тому же отличная медсестра. Ах, какой женщиной она вырастет!

— А то, — согласился Уорик. Но тут брови у него поползли вверх. — Эй, ты чего, ревел?

В уголках глаз Дарио поблёскивали слёзы.

— А, ну да, — без всякого смущения Дарио потряс книгой. — Восточная. Сначала я её недооценивал, для детишек же, но она потрясающая.

Уорик расхохотался.

Парню плевать, когда на него направляют стволы, он даже с простреленной ногой спокойно давит людей любимой машиной, а тут расплакался из-за детской сказочки.

Наверное, только в Дарио такие противоречия могли сложиться в гармоничную личность.

Ник похлопал Уорика по плечу.

«Снаружи подожду, — со скучающим видом объяснил он на языке жестов. — Случится что — позовёшь».

Николаас принялся. Наверное, почувствовал запах медицинского спирта. На втором этаже стояли четыре кровати и царил больничный дух. На первом такого не было. Уорик кивнул в знак согласия.

— Тогда отнеси это в подарок Нине.

Николаас глянул на протянутый Уориком букет, со вздохом принял его, перекинул через плечо и удалился.

Всё ещё полёживая на кровати Дарио ухмыльнулся:

— Она, конечно, прелесть, но приударить за малышкой...

— Хотел бы соблазнить — сам был отнёс цветы. Она, скорее, пара для Ника. А цветы — для твоей машины. Я их даже в тон подобрал.

— Впервые слышу, чтоб цветы дарили тачке.

— Она — моя спасительница. Пожертвовала собой ради меня.

— Машина есть машина. Штука полезная, конечно, но всё же — просто механизм. Со своими двоими даже не сравнишь.

Похоже, Дарио и впрямь начисто забыл о своём погибшем фиате. По крайней мере, он ничем не выдал печали.

— Как тебе в больнице? — спросил Уорик.

Дарио пожал плечами и тут же скривился. Наверное, потревожил рану.

— Да нормально. Йохан тоже не жалуется. Да и здешний врач, слава богу, не болтун.

— Разве тебе не скучно, когда не с кем поболтать?

— Есть такое, но всё-таки лучше, когда врачи не засыпают вопросами.

— Удивил.

— Чем же?

— Думал, тебя хлебом не корми — дай поболтать.

— Только не с врачами.

— Правда? Но ведь им это нужно, чтобы тебя вылечить. Работа такая.

— Не люблю я этого. Приходят и начинают выпрашивать о здоровье, для истории болезни типа. «Как вы себя чувствуете?» Да понятия не имею, как себя чувствую! Я ж для того и плачу такие деньжищи — осмотрите меня и узнаете! Всю работу скидывают на пациента, шарлатаны!

Уорик невольно улыбнулся. Тео и правда был талантливым врачом и к тому же молчуном. И хоть имел проблемы с законом, но для некоторых был идеалом.

Дарио ещё минут пять жаловался на больницы, замолкая только для того, чтобы перевести дыхание. Он говорил, что запах чистящих средств здесь напоминает выпивку в испанском баре, а еду дают такую безвкусную, ну точно корм для рыб; и так далее, и тому подобное. Вот только клиником Тео он и вправду остался доволен. Даже жаловался так, что получалось: эта получше остальных.

Когда коротышка наконец замолк, Уорик тут же этим воспользовался:

— Хочу кое о чём спросить.

— Валяй.

— Что именно вчера произошло?

— В каком смысле?

— Знаешь, когда я очнулся в гараже, я был процентов на девяносто уверен, что ты уже покинул этот бранный мир. Если не схватили, значит, уже прикончили. А ты оказался жив. И я всё никак не могу понять, откуда ты вообще узнал, куда меня забрали.

Вчера, когда Дарио появился из ниоткуда и спас его, Уорик ещё сильнее уверился в том, что

коротышка и был охотником на мафиози.

Сам по себе он, возможно, не отличался ни силой, ни умениями. Правда, он был удачлив, но это, пожалуй, всё. А впрочем он выпутался из этой заварушки да ещё и спас Уорика. Неудивительно, что Уорик начал подозревать Дарио в том, что у него есть особые способности или ещё какой-то припрятанный в рукаве туз.

— И вот из-за такой ерунды ты переполошился? — рассмеялся Дарио. — Просто я — везунчик.

— Хочешь сказать, всему причиной одна лишь твоя удача?

— От удачи зависит всё. Ты голоден, а у дороги растёт яблоня — это удача. Находишь кошелёк — удача. Встречаешь друга, который угостит обедом, — удача. Ясно? Вчера мне тоже повезло — Йохан вовремя появился.

Уорик уже догадался об этом. Ведь Йохан ждал Дарио у гаража.

— Этот избалованный мальчишка? Но почему?

— Не знаю, спроси его. Я вырубился ненадолго.

Дарио с важным видом нёс полную чашу.

— Допустим. Но как ты всё-таки разыскал гараж?

— Нос подсказал.

— Нос?

— Ага, нос. Я чую удачу и неудачу. А Йохан...

Но тут в дверь постучали.

Это была Нина. На подносе она несла две бутылки апельсинового сока и вазу с букетом фиалок.

— Я вам п-помешала?

Уорик покачал головой.

— Да нет, мы так, болтали о всяких пустяках.

Нина улыбнулась и поставила вазу к окну, а одну из бутылок сока — на прикроватный столик. Уорик взял вторую.

— Спасибо за заботу.

— Нет, это господин Йохан прислал.

Уорик вопросительно посмотрел на Дарио.

— Это я его попросил сходить. Как он там?

— Внизу, разговаривает с Ником.

— О-о-о... — протянул Дарио с удивлённой улыбкой. — Даже не представляю, что у них за разговор.

Уорику оставалось только согласиться. Николас вёл себя как бешеный пёс, Йохан же напоминал чихуахуа, которого лелеет благородная леди. Но всё-таки один спас другого, так что поговорить они вполне могли. Хотя бы из простой вежливости.

Стоило Нине выйти из комнаты, как Дарио сменил тему.

— Йохан ведь приехал искать младшую сестру. Она для него — смысл жизни.

— Это она была на том фото?

— Да. Их разлучили при самых скверных обстоятельствах. И вот недавно нам удалось выяснить, что она в этом городе.

Из того, что сказал Дарио и как, уже очевидно: за девочку нужно как минимум беспокоиться.

— Разве Йохан не приехал сюда потому, что свободен?

— Это он сам тебе сказал?

— Нет, это ты мне сказал. Ты и правда всё забываешь.

— Ясно. И правда, я мог бы такое сказать.

— Но что это значит?

— То и значит.

Вид у Дарио был сонный. Всё-таки даже ему нужны силы, чтобы поправиться. Он зевнул и нарочито спокойно добавил:

— Свобода это, конечно, хорошо, но сколько ограничений! И есть нужно, и спать, и так всю жизнь. А если в тебя попадёт слишком много пуль, закончишь на кладбище.

— Верно. Правда, мне казалось, что ты не в курсе.

— У каждого на шее цепь. Но если можешь выбрать себе ограничения, это и есть свобода. Йохан отдал конец цепи своей сестре. Смекаешь?

— Смекаю.

— Ну вот тебе и объяснение.

Дарио закрыл глаза.

— Думаешь, вам удастся найти девчонку? — спросил Уорик.

На ответ он не надеялся, но Дарио сонно пробормотал.

— Обязательно. Я же везунчик.

— Как?

— Не знаю. Спроси Йохана.

Едва договорив, Дарио крепко заснул. Освободившись от груза невысказанного, он погрузился в сон, дыша тихо и размеренно. Прямо как ребёнок.

Уорик чуть отодвинул прикроватный столик, на котором стоял сок, чтобы Дарио не сбил его, ворочаясь во сне. Потом накрыл приятеля одеялом и вышел из комнаты.

На первом этаже не было ни Николаса, ни Йохана, только Тео стоял и курил.

— Где Ник?

— Понятия не имею.

— А Йохан?

— Тем более не знаю. Я им не нянька.

Уорик подошел поближе, вытащил из кармана пачку сигарет и прислонился к стене рядом с врачом.

— В последнее время мы слишком тебя нагружаем. Спасибо.

— Спасибо на хлеб не намажешь. Я бы предпочёл деньги. Впрочем, времени вы отняли у меня немного, ничего страшного. Раны у него лёгкие.

— Ему прострелили ногу, а потом он врезался в стену гаража. Быть не может, чтобы после этого у него были лёгкие раны.

— Тем не менее на нём всё заживает, как на собаке.

— Парень он и правда крепкий, это видно сразу. Рад, что удача на его стороне.

— Скорее уж на стороне его приятеля.

— Йохана?

Тео кивнул.

— Остался в больнице на ночь, но и глаз не сомкнул — так было больно.

— Такая серьёзная рана?

— Да, и сильно лучше не стало. Ему повезло, что он вообще способен сам передвигаться. Как и твоему партнёру, эти двоим надо следить за здоровьем.

Уорик недоверчиво поднял бровь.

— Они меченые?

Тео с непроницаемым выражением лица выдохнул дым.

— Хочешь сказать, что притащил их сюда, ни о чём не подозревая? Не верю.

Уорик почесал щеку.

— Дарио говорит: «нос подсказал». Утверждает, что чувствует удачу и неудачу, а Йохан...

Что чувствует Йохан?

— Насколько у парнишки всё плохо?

— Если он протянет ещё пару лет, это будет редкая удача. Я бы даже сказал — чудо.

— Но почему? Не из-за раны же?

— Отчасти из-за этой его странной компенсации. Но в основном — потому что горстями глотает «церебре».

От «церебре» и впрямь погибло немало меченых.

— Ясно, — коротко ответил Уорик. — А что у него за компенсация?

Тео поднял руку и сигаретой очертил у челки круг:

— Замечал у него в волосах белую прядь?

— Разве не подростковая мода? Типа считает, что так будет круто.

— Части его тела стареют с разной скоростью.

Понять такое — само по себе непросто.

Уорик подождал, пока новые сведения улягутся в голове, а потом переспросил:

— Хочешь сказать, она поседела раньше других?

— Да если бы дело было в волосах... Он стареет по частям. Сначала правая рука будет как у старика, а тело останется молодым, потом правая нога и так далее. Если сердце внезапно состарится, это резко сократит ему жизнь. А постоянные передозировки с такими особенностями... понимаешь, о чём я?

Уорик выдохнул облачко дыма и стал наблюдать, как оно растворяется.

— Прости, что опять привёл неизлечимо больного.

— Чертовски верно.

Не докурив сигарету и до половины, Тео затушил её в пепельнице, которую держал в руке, и повернулся к Уорику спиной.

— Эй, не уноси пепельницу! А я куда сигарету дену?

— Да мне плевать. Главное, пол не пачкай.

И, не оглядываясь, Тео удалился в глубь клиники.

Уорик уставился на окурок, который теперь некуда было девать, и задумался о Николасе. Тот наверняка торчал где-то с Йоханом.

***За пятнадцать минут до разговора Уорика и Тео Николас спускался по лестнице и

столкнулся с Ниной — та выходила из смотровой на первом этаже. Заметив его, девочка улыбнулась.

— Ты как раз вовремя. Доктор просил тебе передать.

Она отняла от груди две пластиковые баночки и протянула ему.

Это было «церебре». Стимулятор и успокоительное. Для сумеречных и наркотик, и спасательный круг, и главная причина смерти.

«Церебре» — очень дорогой наркотик. И вовсе не потому, что его сложно производить. С помощью него «нормальные» подчиняют себе «сумеречных». «Церебре» — что-то вроде бессрочного кредита, который когда-то выдали по доброте душевной. Но если наркотик станет доступен, равновесию конец.

Вот почему занять собственных сумеречных могут разве что богачи да мафиози, для которых контроль за оборотом «церебре» — основной источник дохода. Но вот Уорику не хватало ни богатства, ни влияния, чтобы содержать своего сумеречного, поэтому он во всём полагался на Тео: доктор добывал наркотик незаконным путём.

«Закончила помогать доку?»

Нина прекрасно понимала язык жестов.

— Да. Сейчас у нас нет пациентов кроме господина Дарио, а его состояние стабильно. Доктор у себя в кабинете, сверлит взглядом медкарты.

Николас кивнул: дескать, понял. Затем, заметив, что девочка перевела взгляд с его лица куда-то вбок, вспомнил о фиалках.

«От Уорика», — объяснил Николай и протянул Нине букет.

— Что? Мне?

«Купили их этому придурку наверху, чтоб быстрее поправлялся. Но дарить цветы мужику ещё хуже, чем метать бисер перед свиньями. Забирай».

— Нет, что вы, я не могу взять! Но мне будет приятно украсить цветами палату, спасибо.

Нина протянула руки к цветам, и тогда Николай поднял букет повыше, чтобы она не достала. Нина подскочила, пытаясь дотянуться, но букет был слишком высоко. Но стоило ей отступить, как Ник опять же опустил фиалки пониже, а потом убрал, когда девочка снова попыталась взять. Так и дразнил её, пока она не перестала пытаться. Нина разочарованно вздохнула.

Николасу нравилась Нина, поэтому доводить её до ручки он не хотел. Просто всякий раз, когда она волновалась, лицо у неё становилось до жути смешным, вот он и не мог отказать себе в удовольствии её немножко поддразнить. Но всегда знал меру. Когда Нина и вправду расстроилась, он одними губами вывел «Скукотища!» и сунул ей фиалки.

Нина радостно улыбнулась и бережно прижала цветы к груди:

— Спасибо тебе!

Николас был не из тех, кто обращает внимание на то, что творится у других в голове, но общий

смысл, за что благодарила Нина и почему потупилась, уловил. Она оговорилась не случайно.

Если бы за цветы, её «спасибо» досталось бы Уорику, а так она поблагодарила Ника за то, что болтает с ней. Не сказать, будто ему совсем не нравилось проводить с ней время, просто говорить с Ниной — что-то вроде обязанности: хорошо бы хоть иногда.

Ник притворился, что ничего в её «спасибо» не понял, и легонько щёлкнул Нину по лбу.

«Уорика благодари, если нужно».

— Ладно, — хихикнула девочка. — Только как-то странно получится: цветы для господина Дарио, а благодарю я.

Вся эта болтовня была для Николаса «игрой в человека». Сам он — сумеречный, и это не просто надпись на жетоне на шее, — это же высечено у него в душе. Николас на уровне инстинктов не понимал, что значит быть «нормальным». Он этим не гордился, но и расстраиваться тут было не из-за чего. Ему никогда и не хотелось становиться нормальным. Притворяться нормальным — игра, не больше. Примерно так же ребенок подражает собаке или кошке — лает или мяучит. В общем, Ник попросту убивал время.

— Как пахнут! Поставлю в вазу, — и Нина улыбнулась. Вдруг кто-то вошёл в дверь. Николас тут же обернулся.

— Николас.

На пороге стоял долговязый молодой человек в стёганой куртке, которая была явно ему велика.

— Спасибо вам. Вы спасли мне жизнь.

Йохан отвесил ему дёрганный поклон. Его прямая чёлка, в которой виднелась седая прядь, покачнулась.

«Не я тебя спас».

Йохан нахмурился и смущённо потёр щеку.

— Простите. Я не понимаю язык жестов.

Николас хмыкнул: разговаривать с юношей ему не слишком хотелось. В руках Йохан держал бумажный пакет: наверняка купил чего-то для брата. Николас указал на потолок, намекая, что Йохану неплохо бы подняться к Дарио.

— Точно, спасибо.

Йохан ещё раз поклонился и хотел было пройти мимо Николаса, как вдруг остановился.

Николас слегка напрягся, прищурил один глаз. Йохан развернулся к нему и тоже сощурился, сверля его взглядом.

— Извини, Нина, не отнесешь моему брату пакет? Здесь две бутылки апельсинового сока. Отдай одну Уорику, пожалуйста.

Николас догадался: что-то здесь не так. Но не путем сложным умозаключений — нутром

почуял.

Слишком уж вежливо Йохан обратился к Нине, хотя она просто ребёнок. Когда говорил с Дарио и про Дарио, он вообще не церемонился. В конце концов Йохан откуда-то знал, что Уорик торчит наверху, хотя откуда бы? Всё это было очень и очень странно.

Пусть так, но Николас юношей не интересовался. А вот Йохан почему-то глазел на него.

— Что? Ну ладно.

Нина взяла пакет. Тащить и фиалки, и сок ей было бы тяжеловато, и Ник уже собрался помочь, протянул руку, но тут Йохан окликнул его:

— Николас, не могли бы вы уделить мне минутку?

Николас вопросительно склонил голову набок. Спрашивать вслух, что от него нужно, он поленился.

— У меня к вам просьба. Пожалуйста, давайте ненадолго выйдем.

Йохан сверлил его взглядом из-под чёлки. В нём угадывалась если не жажда крови, то что-то похожее. Будь там жажда, Николас сразу бы заметил.

И он задумался, а стоит ли оставлять Уорика без присмотра. Вообще-то надо приглядывать, велено же защищать... То есть далеко уходить нельзя.

— Это ненадолго. Давайте поговорим у входа в клинику.

Йохан развернулся и пошёл к двери.

Николас вздохнул и последовал за ним.

Он решил: если не будет отходить от здания слишком далеко, то обязательно заметит, случись внутри суматоха. Всё-таки зрение у него острое. Попытается кто-то пробить выстрелом окно — Николас увидит трещины.

С любопытством, что было для него редкостью, Николас раздумывал: а что будет, если отказать Йохану? Тот шёл впереди удивительно уверенным широким шагом. Но больше Ника интересовало, что значит этот странный взгляд прищуренных глаз.

***Едва оказавшись снаружи, Йохан остановился, а вот Николас — нет. Он вдруг вспомнил, что неподалёку есть ларёк с жареной курицей. С утра, когда они с Уориком перекусывали сэндвичами, уже прошло прилично времени, так что Николас опять проголодался.

И теперь он напрямик шёл к ларьку, чтобы поживиться острой куриной ножкой. Йохан поплёлся за ним.

«А они ничего, есть можно», — на пальцах объяснил Ник, и Йохан кое-как его понял, но помотал головой, отказываясь брать себе.

Ник слопал ножки на обратном пути в клинику. Просто шёл и хватал огромные куски курятины. Одним рывком стягивал зубами кожицу и быстро прожевывал. Мясо само по себе казалось Нику безвкусным, но ему нравился запах специй и раскалённого масла.

И тут он заметил, что Йохан что-то говорит, и стал сосредоточенно читать по губам.

— ...хорошо, что хоть подальше от ларька. Там такой дым, что говорить невозможно.

Николас не ответил. От ларька он отошёл потому, что следующий покупатель недобро смотрел на его жетоны. Николас не хотел неприятностей для хозяина ларька, так что он не стал задерживаться там дольше необходимого. Но объяснять всё это Йохану, который не понимал язык жестов, было лень.

И вот Ник и Йохан остановились у входа клиники и наконец-то перешли к разговору.

— Я приехал сюда в поисках младшей сестры.

Николас прислонился к забору и кивком предложил Йохану продолжать, а сам вцепился в куриную ножку, которую почти прикончил.

— Вот она. Узнаёшь?

Йохан вынул из кармана фотографию, на которой были мальчик и девочка. В мальчике Ник тут же узнал Йохана, а вот девочку он видел впервые. На вид — где-то двенадцать-тринадцать. На шее висит серебряное ожерелье в форме крыла.

Ничто в её образе не показалось Николасу знакомым. Он покачал головой.

— Врёшь! — зло сказал Йохан. — Я чую, ты ею пахнешь.

Николас понюхал свою руку и не почувствовал ничего, кроме жареной курицы.

Йохан не сводил с него пристального взгляда.

— Ты точно её знаешь. Моё чутьё не врёт. По запаху я и нашёл вчера Дарио и Уорика.

Пусть так, однако Ник всё-таки не врал: девочку он видел впервые.

— Даже эта больница ею пахнет, правда, совсем чуть-чуть. Всё перебивает химия. Припоминаешь?

Николас ничего не припоминал.

Кроме Нины в клинике Тео не было никаких девочек. Иногда, правда, появлялись какие-то женщины, от которых разило алкоголем...

Николас махнул рукой, показывая, что ничем не может помочь.

— Ненавижу ложь.

Но это была правда. Ник не знал девочку.

Он устало вздохнул. От куриной ножки осталась только кость. А вот в желудке растекалась приятная тяжесть. Ник метнул косточку в ближайшую урну и вытер жирные пальцы о забор, попутно лениво припоминая, что Йохана они нашли как раз на помойке. Вот только это ничем не помогло бы в поисках.

Ник искоса посмотрел на Йохана: тот говорил слишком быстро, читать по губам просто

невозможно.

«И это всё, что хотел спросить?» — показал Николас, на что Йохан вопросительно склонил голову набок.

Жест он не понял, но Ник и не старался, чтобы его поняли: и так достаточно потакал мальчишке. А теперь решил, что пора бы в клинику, отлип от забора и уже развернулся, как вдруг почувствовал какое-то движение в воздухе, похожий на порыв ветра. Так Ник «слышал» громкие звуки.

«Погоди!» — должно быть, окликнул его Йохан, хотя Ник уже повернулся спиной и не мог прочесть по губам, что именно тот крикнул.

Юноша сунул руку под мешковатую куртку, чтобы достать... пистолет? Нож? Йохан точно пытался нащупать оружие, чтобы кинуться с ним — это Ник прочёл в его глазах.

Прочёл жажду крови. Но тут же она испарилась. Нику сразу стало скучно. До зевоты.

«Как наберёшься смелости, приходи, поиграем», — показал жестами Ник и пошёл в клинику. А Йохан остался сверлить его спину взглядом, но кинуться в схватку — так и не кинулся.

***В конце концов Уорику пришлось бежать за Тео и его пепельницей, чтобы избавиться от окурка.

Возвращаясь в смотровую, он нос к носу столкнулся с Николасом.

Уорик поприветствовал напарника с лёгкой улыбкой:

— Привет, Ник. Ты что, подрался с Йоханом?

«До драки не дошло».

— Как-то уклончиво.

Уорик развернулся, дошёл до кабинета Тео, просунул голову в проём двери и крикнул:

— До свиданья, доктор, ещё увидимся!

— Не хотелось бы. Твоя рана и без меня отлично заживёт.

— Да не в этом дело! Хотел кое-что занести, но совсем забыл, — ответил Уорик, и, повернувшись к Нику, добавил: — Пошли со мной. Как раз зайдём за этой штукой.

Николас подошёл поближе, и Уорик с удивлением уставился на его лицо.

— Ты что, успел перекусить?

Он вдруг припомнил, что велел Нику получить оплату с бабули Джоэл. После пьянки с Дарио тем вечером Уорик мало что помнил, но смутно догадывался: свою долю с напарника он так и не стряс.

Николас вытер с губы прилипшую крупинку перца.

«Всё по-честному. Ведь ту работу ты свалил на меня».

— А ты взял и прикарманил деньги, пока я тут работал нянькой!

«Ты же хотел подобраться к нему поближе? Типа физический контакт — твой козырь?»

— Ник, мой физический труд будет подороже твоего, и я хочу за него хорошей оплаты. Вкусно было? Где ты купил курицу? Я тоже хочу.

Уже на выходе из клиники Николас внимательно оглядел улицу.

— Что высматриваешь? Ларёк с курицей растворился?

Вроде никакой опасности. По крайней мере, Уорику так казалось.

— Йохан ушёл.

— О!

Уорик осмотрелся и заметил, что одно из окон второго этажа открыто.

— Гляди! Может, он залез в окно?

— Окно?

— Ты тоже так делаешь, если спешишь.

Вглядываясь в удивлённое лицо Ника, Уорик вдруг понял, что ждал от него куда большей сообразительности. Что он сам заметит особенность Йохана.

— Парнишка-то, похоже, тоже носит жетоны. Наверное, прячет их под огромной курткой.

— А! — на секунду губы Ника расплылись в хищной ухмылке.

Уорик натянуто улыбнулся.

— Не корчи таких страшных рож, Ник. Или что-то случилось?

«Надо было дать ему вытащить то, что припрятал. Нет, заставить вытащить».

— Значит, всё-таки подрались? Эх ты! Я же волновался.

«Ещё нет. Но почти да»

— Серьёзно?

«Прям почти».

— Тебе что, вообще не понятно, что такое «мир»?

«А ты в курсе, что для всех видов «война» и «мир» — это одно и то же? Для всех, кроме человека?»

«Вы, сумеречные, тоже люди», — чуть было не выпалил Уорик, но вовремя сдержался. Так-то он и сам не прочь скрестить мечи с Йоханом, причем уже сегодня вечером. В любом случае, осталось немного.

Напади Йохан на них первым, было бы, наверное, проще. Ну или Уорик мог бы не возиться с ним, когда нашёл раненым. Но всё сразу пошло наперекосяк.

«Как странно!»— думал Уорик. И почему это Йохан позволил себя избить? Почему даже не сопротивлялся? Дай он сдачи тем шестёркам, от них бы мокрого места не осталось. Или что, пытается соблюдать три закона? Нет, вряд ли. Должна быть какая-то ещё...

«Причина?» — Уорик не смог сдержать смех. Нет, не время думать о мелочах. Не сейчас.

Йохан — сумеречный. Скорее всего, именно он стоит за теми убийствами мафиози. Вот только Уорика волновал не Йохан, а Дарио.

А раз так, нет смысла думать о причинах, искать логику в чужих действиях. Дарио плевать, даже когда на него наводят дуло. Дарио сбил на любимой машине двух человек. И всё это — с простреленной ногой. Дарио плачет над детской книжкой. Какая тут логика, когда речь идёт об этом придурке?

Уорик посмотрел на небо. Лучи закатного солнца окрасили неизвестно откуда появившуюся тучу бледным золотом. «Влажность всё выше», — подумал Уорик, прижав ладонь к лицу там, где когда-то был его левый глаз.

<http://tl.rulate.ru/book/90595/2911287>